

— Л. 288. об. по окончаніи текста евангелія Іоанна, краснымъ черниломъ по скобленному большими буквами написано:

**ІЮН ГРЪШНЫ СРІ И
ТЖН ТЕР
ДСУ**

Приведенныя приписки не позволяютъ сомнѣваться, что кирилловскія приписки сдѣланы послѣ написанія глагольскаго текста.

Синаксарь, написанный тоже кириллицей и занимающій послѣднія страницы, также писанъ позже, на иномъ пергаментѣ иными чернилами, на много размѣра страницахъ.

КРУТА КАЛИЧЬЯ.

КЛЮКА И СУМА, ЛАПОТИКИ, ШЛЯПА, КОЛОКОЛЬ.

Владимиру Васильевичу Стасову.

I.

Каликами или калѣками въ древности назывались у насъ странники, ходившіе на поклоненіе въ святую землю (паломники, пилигримы). Свѣденія о нихъ есть въ памятникахъ XII—XIV вѣка и въ былинахъ, до сихъ поръ повторяемыхъ въ народѣ. Положеніе ихъ въ обществѣ, судя особенно по былинамъ, было довольно значительное: и богатыри Владимировы, Илья Муромецъ, Алеша Поповичъ, Михаилъ Потокъ Ивановичъ, не стыдились показываться каликами, даже какъ будто считали это почетнымъ; съ почетомъ и принимаемы были калики всюду, куда приходили. Въ сказаніяхъ, прежде озпаченныхъ, калики нисколько не напоминаютъ калѣкъ въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова: это были все дородные добрые молодцы, силачи, иногда и красавцы, а если и старики, то ужъ никакъ не люди, возбуждавшіе къ себѣ состраданіе какимъ нибудь тѣлеснымъ недостаткомъ.

Въ письменныхъ показаніяхъ древности нѣтъ (по крайней мѣрѣ, я не знаю) никакихъ свѣденій объ ихъ одеждѣ, или, лучше сказать, о ихъ «крутѣ», пови-

мая подъ этимъ словомъ не только одежду, но и все, что при одеждѣ предполагается. Разъ только упомянуть пахирь каликъ, т. е. сосудъ для питья; но пахирь, конечно могъ быть и не у каликъ. Бѣдность письменныхъ свѣденій замѣняется сказаніями былины, до того сходными, что ими можетъ пользоваться, разумѣется, съ должною осторожностью, самый недвѣрчивый археологъ. Вотъ главныя изъ этихъ сказаній:

Сорокъ каликъ съ каликою, собираясь итти въ Іерусалимъ, были такъ одѣты:

Лапотики на ножкахъ у нихъ были шелковые, подсумочки шиты черна бархата, въ рукахъ были клюки кости рыбака, на головешкахъ были шляпки земли Греческой.

Илья Муромецъ, собираясь на идолища поганого, накрутился каликою, и именно вотъ какъ:

Обуль Илья лапотики шелковые, подсумокъ одѣлъ онъ черна бархата, на головешку надѣлъ шляпку земли Греческой. Не взялъ съ собой палицы булатная,

дорогой спохватился, и, встрѣтась съ каличищемъ Иванищемъ, вытребовалъ у него клюку его.

По одному изъ особенныхъ пересказовъ былины о подвигѣ Ильи Муромца противъ того же идолища (одолища),

оболокаетъ Илейко платье каликино, обуваетъ лапотки обтопочки, накладаетъ шляпу земле-Грепкую, земле-Грепкую шляпу сорокъ пять пудовъ.

По другому, Илья говоритъ каликъ:

Ты отдай мнѣ-ка свое платье пѣтное, ты отдай свою шляпу земли Греческой, ты отдай мнѣ-ка свою клюшу яра дерева, самъ садись на моего коня добраго;

и переодѣвшись, пошелъ въ Кіевъ градъ.

Михайло Потокъ сынъ Ивановичъ, одѣваясь въ каличе платье,

обуль себѣ лапотики шелковинькіе, клюку онъ бралъ кости рыбака, подсумокъ одѣлъ черна бархата, на голову — шляпку земли Греческой.

Тотъ калика, у котораго выпросилъ себѣ платье
Алеша Поповичъ, былъ такъ одѣтъ:

Лапотки на немъ семи шелковъ,
подковырены чистымъ серебромъ,
личико унизано краснымъ золотомъ,
шуба соболиная, долгополая,
шляпа Сорочинская земли Греческой,
въ тридцать пудъ шелепуга полорожная.

Сума, сумка, подсумокъ всегда изъ чернаго бархата, иногда изъ рытаго бархата.

Клюка, костыль (въ косу сажень), посохъ, шелепуга, что нибудь изъ этого, но непременно.

Думая о сумѣ и клюкѣ каликѣ, нельзя забыть, какъ калики обращались съ этими главными своими орудіями:

Становилися во единый кругъ,
клюки посохи въ землю потыкали,
а и сумочки исповѣсили.

Лапотки описаны еще такъ:

Шли лапотки изъ семи шелковъ,
у нихъ вплетено въ лапотикахъ въ пяткѣ, носкѣ
по ясному по камешку самоцвѣтному.

Вмѣсто шляпки земли Греческой говорится и о шапкѣ или шапочкѣ.

Вмѣсто шубы соболиной долгополой говорится о гунѣ, или же о кафтанѣ: что это именно была за одежда? По однимъ названіямъ, такъ различнымъ, рѣшить невозможно.

Что во всей этой каличьей крутѣ мало Русскаго, доказывать, кажется, не для чего. А между тѣмъ и сходство съ крутой пилигримовъ западно-Европейскихъ очень рѣзко.

Главныя части убора пилигримовъ западныхъ определенительно указаны въ Чиновникѣ Руанской церкви (Париж. Импер. публ. библ. № 1213: выписки у Дюканжа), при описаніи обряда отпуска пилигримовъ, совершавшагося во вторникъ на свѣтлой недѣлѣ. Избранные къ участию въ обрядѣ, по образу пилигримовъ (in similitudine peregrinorum), должны быть въ туникахъ и въ капахъ (верхнихъ плащахъ), съ посохами и съ сумами и въ шляпахъ на головахъ (induti tunica et desuper cappis, portantes baculos et peras, et habeant capellos super capita). Это общее обозначеніе объясняется мно-

жествомъ частныхъ свидѣтельствъ, находящихся въ разныхъ памятникахъ среднихъ вѣковъ и тщательно собранныхъ въ Глоссаріи средневѣковой латыни Дюканжа, въ его же Dissertations къ Исторіи Людовика святаго сирѣ-Жульена, въ Латинно-Германскомъ глоссаріи Диффенбаха, и др. Изъ нихъ видно, что главною принадлежностью пилигрима былъ посохъ и сума (baculus et pera = scaccella). Иногда означенъ только посохъ: такъ напр. въ Житіи Людовика юнаго, при описаніи его отхода въ Іерусалимъ, сказано, что онъ, передъ отправленіемъ, отслушавъ обѣдню въ обители св. Діонисія, съ благоговѣніемъ принялъ посохъ странствія (baculum peregrinationis) и знамя св. Діонисія. Иногда означена только сума: такъ въ сказаніи Ангулемскаго монаха замѣчено, что при погребеніи императора Карла великаго, на него сверхъ императорскихъ одеждъ возложена странническая сума золотая (pera peregrinalis aurea), съ которою онъ всегда ходилъ въ Римъ. Обычно же упоминаются сума и посохъ вмѣстѣ. То и другое давалось въ церкви духовнымъ лицомъ, благословлявшимъ въ путь. Короли французскіе получали посохъ и суму странниковъ въ аббатствѣ св. Діонисія, покровителя Франціи. Посохи дѣлались въ формѣ клюки, т. е. съ закрючною на верхнемъ концѣ и съ желѣзнымъ наконечникомъ, иногда и совершенно желѣзные; сумы придѣлывались къ посоху, перевязи — eschagres, eschegres, eschagriä, и потому сами были называемы этимъ словомъ. Довольно рано вошло въ общій обычай выступать въ путь босоногими (discalciate), но и въ такихъ случаяхъ обувь была при странникѣ. Странники Нѣмецкіе одѣвали обыкновенно окреи, какъ удостовѣряютъ слова св. Франциска (est quaedam regio Teutonia, in qua sunt homines christiani et devoti, qui saepe terram nostram (т. е. Italiam) cum longis baculis et largis ocreis pertranseunt: Wadding, Annales minorum подъ 1221 г. Hoffmann's Gesch. d. d. K. Lieder. 1861. 68). Странники другихъ земель употребляли сандаліи, калиги — калики (caligae, calicae) и т. д. На головѣ носилъ обыкновенно шапку или шляпу (capellus), отъ солнца съ широкими полями (capellus solis). Сверхъ туники надѣвалась капа (sapa, sappa), шившаяся и съ рукавами (manicata), и безъ нихъ, такъ что и на-

дѣвать ее можно было только черезъ голову (clausa, rotunda). На случай непогоды къ ней сзади пришивался башлыкъ, отлога (саритіумъ). Капы были очень различны по лицамъ и по случаямъ употребленія; но во всякомъ случаѣ были принадлежностью дорожной одежды, и потому являться въ капѣ съ поклономъ считалось невѣжливымъ, если на это не было особеннаго соизволенія (какое напр. было дано приорами de Wimundam et Binham на случай ихъ представленія Норвикскому епископу: ad synodum venient, habitu itineris nisi velint non mutato, videlicet in carpis et calcaribus (Vitae Offarum etc. при Hist. major Матѳея Парижскаго. 1644: II. 84). Странническія капы были обыкновенно волосяныя.

Трудно съ достовѣрностью сказать, чѣмъ именно отличались части убора нашихъ каліекъ отъ соотвѣстныхъ имъ частей убора западныхъ пилигримовъ; но самыя части были тѣ же. Сумы, сумочки, это — *regeae, regulae*, подсумки, можетъ быть, тоже что *eschargia*; клюки, посохи — *baculi*, называвшіеся и шелепугами — *burdones, virgae*; — лапотки, лапотки — *calcei*, какіе именно, Богъ знаетъ (не непременно лапти нашего времени, какъ указываетъ самое слово лапотъ, производное отъ лапа, кисть ноги); шляпы — *capelli*, можетъ быть, островерхія съ широкими полями; — шубы, гуни, кафтаны былинъ должны равняться капамъ; но эти названія верхней одежды, какъ кажется, употреблены въ пересказахъ былинъ вмѣсто подлиннаго забытаго названія.

II.

Кстати здѣсь вспомнить объ уборѣ того старца пилигрима, слѣдовательно тоже каліекъ, который былъ крестнымъ отцомъ и учителемъ Василія Буслевича, и воспѣтъ въ былинахъ вмѣстѣ съ этимъ удалымъ молодцомъ Новгородскимъ. Просилъ и этого пилигрима утихомирить Василія, и онъ вышелъ къ нему съ уговорами, но и уговоры старца не помогли: ему же досталось; поплатился онъ, если не головою, то по крайней мѣрѣ ясными очами. И вотъ какъ описывается при этомъ рассказѣ уборъ пилигрима:

Въ одномъ изъ пересказовъ былинны этотъ уборъ просто каліечій, украшенный только иперболическими мѣрами вѣса:

Одѣваетъ старчище кафтанъ въ сорокъ пудовъ,
колпакъ на голову полагаетъ въ двадцать пудъ,
клюку въ руки беретъ въ десять пудъ.

Въ другихъ пересказахъ все это опущено, помнятъ одинъ колоколъ:

Стоитъ тутъ старецъ пилигримище,
на могучихъ плечахъ держитъ колоколъ,
а вѣсомъ тотъ колоколъ во треста пудъ.

или же:

Идетъ крестовой батюшко старчище пилигримище,
на буйной головѣ колоколъ пудовъ въ тысячу,
во правой рукѣ языкъ во пятьсотъ пудовъ.

По другимъ пересказамъ колоколъ пилигримища былъ и не такъ тяжелъ: въ девяносто пудъ, даже въ двѣнадцать только.

По тому пересказу былинны, гдѣ не упомянуто о колоколѣ, пилигримъ просто убить Васильемъ: Василій шелкнулъ крестнаго батюшку желѣзною осью сорока пудовою, и

отъ единого удара Васильева,
крестному батюшкѣ славу поютъ.

По пересказамъ, гдѣ упомянутъ колоколъ, Василій отмстилъ пилигриму за его вмѣшательство иначе:

Ударилъ онъ старца во колоколъ,
а и той то осью телѣжною:
качается старецъ, не шевельнется;
заглянулъ онъ Василій старца подъ колоколъ,
а и во лбѣ глазъ уже вѣку нѣту.

или же:

И сдвинулъ (Василій) шальгу въ девяносто пудъ,
какъ хлеснулъ своего батюшка въ буйну голову,
такъ разсыпалъ колоколъ на ножевыя черенья:
стоитъ крестный, не кренется,
желтыя кудри не шелохнутся,
онъ скочилъ батюшку противъ очей его,
а хлеснулъ то крестнаго батюшку,
въ буйну голову промежъ ясны очи,
и выскочили ясны очи, какъ пивны чаши;

или:

Билъ его палицей булатней по головушкѣ,
и раскололъ ему колоколъ;

или:

Какъ ударилъ осью желѣзною,
разскочилъ колоколъ на двѣ стороны,
какъ въ другихъ переправилъ добрый молодець,
ударилъ его въ буйну голову,
тутъ же его въ рѣченьку спихивалъ.

Во всѣхъ пересказахъ былины, гдѣ только упомянуто о колоколѣ, ничто не подаетъ никакого сомнѣнія, что дѣло идетъ о простомъ колоколѣ, объ одномъ изъ такихъ колоколовъ, какіе были захвачены Всеславомъ въ Новѣгородѣ у св. Софіи еще въ 1066 году. Въ воспоминаніяхъ о пилигримахъ западной Европы напрасно будемъ искать слова о такихъ колоколахъ. Напрасно разрѣшать эту загадку и при посредствѣ Византійскихъ показаній или обычаевъ Татарскихъ. А между тѣмъ считать это и выдумкою составителя былины нѣтъ никакого повода: Русскіе былинари перепутывали лица, времена и мѣстности событій, придавали времени древнему черты времени болѣе поздняго, увлекались иперболической обрисовкой образовъ; но положительныхъ выдумокъ ни изъ того, ни изъ сего, такихъ рѣзкихъ какъ колоколъ пилигрима, они не допускали. Что же это однако, если не выдумка?

Нельзя опустить изъ виду, что въ однихъ пересказахъ былины колоколъ рисуется очень рѣзко, въ другихъ его вовсе нѣтъ. Отчего произошло такое различіе? Нельзя ли думать, что еслибы колоколъ и въ первоначальномъ изводѣ былины представленъ былъ такою же важною принадлежностью пилигрима, то онъ бы уцѣлѣлъ во всѣхъ пересказахъ? Нельзя ли догадываться, что такъ какъ колоколъ могъ вовсе исчезнуть изъ нѣкоторыхъ пересказовъ былины, а пилигримъ въ слѣдствіе этого остался при обыкновенныхъ принадлежностяхъ своего убора, то сказанное о колоколѣ, какъ о колоколѣ, зашло въ пересказы былины уже послѣ, такъ что подъ колоколомъ слѣдуетъ понимать чтонибудь другое, напр. хоть колпакъ въ сорокъ пудъ? Въ самомъ дѣлѣ, почему нѣтъ? Отъ пересказчиковъ былины очень возможно

ожидать прибавокъ и о разбитіи колокола, и о языкѣ при колоколѣ, и обо всемъ подобномъ, если только разъ данъ имъ поводъ счесть за колоколъ то, что прежде было только названо колоколомъ. Такою свободой они нерѣдко пользовались и пользуются, какъ видно изъ разнообразія пересказовъ другихъ былинь.

Что они воспользовались такою свободой и въ рассказѣ о пилигримѣ, на это есть и положительныя доказательства. Колоколомъ, klakol, и колокольцей, klakolca, у Чеховъ въ древности назывался плащъ, въ родѣ капы, носимой пилигримами. Слово klakol занесено въ словари Роскоханого и Велешина XIV вѣка (см. Ганки, Sbirka slovníkův: 93, 110) для перевода слова aluvia, что должно значить плащъ отъ дождя. Слово klakolca употреблено въ стихѣ объ Алексѣѣ (Čas. Čes. muz. 1851. 1: 145):

nevěsta tam kažie v stolce,
oblekši sie v zlé klakolce.

И не у однихъ Чеховъ въ средніе вѣка плащъ назывался колоколомъ. Англичане и Французы такъ же употребляли это слово, разумѣется, выговаривая по своему: Англичане cloak, Французы cloche, clocette, въ Латинскомъ выговорѣ у тѣхъ и у другихъ одинаково cloca, и такъ же со смысломъ и колокола и плаща (ср. Нѣм. clossa, glossa, glocke), плаща дорожнаго, безъ разрѣза напередѣ. По уставу Юліанской обители аббата Михаила, братья-священники въ поѣздкахъ должны были употреблять именно колоколъ приличной длины (Fratres sacerdotes in equitando cloca rotunda competentis longitudinuis... utantur. см. Historia major Матеея Парижскаго. 1664. Additamenta: 164).

Вотъ колоколъ былины о Васильѣ Буслаевичѣ, капа, плащъ. Употребленіе этого слова въ пересказахъ былины, хотя и неправильное, доказываетъ, что когда-то оно было у насъ употребляемо и въ значеніи одежды, и, судя по тому, что въ пересказахъ былины оторвано отъ своего настоящаго смысла, употребляемо было только въ древности, можетъ быть, даже не долго. Въ одномъ изъ пересказовъ былины колоколъ замѣненъ кафтаномъ, словомъ, напоминающимъ капу (хотя и потурченнымъ, но одного происхожденія съ сара, sarota, хара́дης, и т. д.), безъ сом-

нѣнія, въ то время, когда еще понималось, хоть уже и не было употребляемо слово колоколь въ значеніи влася; въ другихъ пересказахъ остался колоколь, — и испыталъ горькую судьбу власти комментаторовъ-новостовъ, превратясь въ мѣдъ звѣнящую. Въ былинахъ о каликахъ вмѣсто него стоятъ шуба, гуня, безъ сомнѣнія потому, что въ языкѣ народномъ не нашлось слова однозначащаго съ капой или съ колоколомъ.

Этотъ колоколь, не менѣе другихъ принадлежностей круты нашихъ древнихъ каликъ, пилигримовъ, доказываетъ, что крута ихъ была не чисто Русская, а общая западно-Европейская — по крайней мѣрѣ въ главныхъ частяхъ своихъ, если не въ подробностяхъ. Нельзя, безъ сомнѣнія, отвергать предположенія, что могли наши калики, пилигримы, и не употреблять особой одежды, ходить въ св. землю и въ своемъ обыкновенномъ платьѣ, развѣ только съ сумой да съ посохомъ; но это предположеніе не уничтожаетъ употребленія особенной страннической одежды, одежды не Русской, а западно-Европейской.

Передавая, Владимиръ Васильевичъ, вашему доброму вниманію и суду листокъ для нашего сборника древней круты Русскихъ людей — о крутѣ каликъ переходящихъ, думаю, что въ немъ придется со временемъ многое прибавить и переименовать. Прежде всего этихъ прибавленій и переименованій жду отъ самихъ васъ, и порадоюсь душевно, если вы пустите его въ Извѣстія не сироткою.

И. Срезневскій.

РОЗЫСКАНІЯ О СЛАВЯНО - ВИЗАНТІЙСКИХЪ МОНЕТАХЪ.

5. ПИСЬМО ГРАФА А. С. УВАРОВА КЪ А. А. КУНИКУ О МОНЕТАХЪ ВЛАДИМИРА И ЯРОСЛАВА.

Дружеское письмо ваше вызываетъ меня на откровенное изложеніе моего мнѣнія на счетъ вашихъ изслѣдованій о русско-византійскихъ монетахъ. Послѣ вашего ученаго разбора этихъ памятниковъ, я счи-

таю вопросъ этотъ до такой степени рѣшеннымъ, что обращу свои замѣчанія только на два пункта. Во-первыхъ я приведу еще новыя доказательства, изъ современныхъ византійскихъ рукописей, въ подтвержденіе одновременности характера этихъ монетъ съ памятниками X и XI столѣтій; во-вторыхъ, я изложу причины, почему не могу согласиться съ вами въ толкованіи загадочной фигуры, помѣщенной на лицевой сторонѣ Владимірова злата и на оборотѣ монетъ Ярослава. Наконецъ, предложу вамъ новое объясненіе этого загадочнаго изображенія.

Мы обязаны вашимъ ученымъ изслѣдованіямъ окончательнымъ опредѣленіемъ не только значенія, но и времени первыхъ памятниковъ русской нумизматики. При изученіи ихъ, я буду придерживаться того самого хронологическаго порядка, который указавъ вами ¹⁾, и начну съ Владимірова злата.

Изображеніе великаго князя Владиміра Святославича содержитъ всѣ тѣ признаки, которые встрѣчаются на современныхъ ему византійскихъ памятникахъ. На головѣ Владиміра представлена повязка (στέμμα) изъ жемчуговъ. По серединѣ возвышается крестообразное украшеніе изъ трехъ большихъ бусъ или камней; а по обѣимъ сторонамъ лица висятъ жемчужныя привѣски (ἐμότια, χρυσαστήρια). Это крестообразное украшеніе повязки, какъ вы конечно замѣтили, появляется на византійскихъ монетахъ со времени Тиверія-Константина (578 — 582, Saulcy, pl. III, fig. 6, pag. 31.), но привѣсокъ долго еще остается два ряда съ каждой стороны (всего четыре), какъ на вѣнцѣ Юстиніана на мозаикахъ св. Виталія въ Равеннѣ ²⁾.

На изображеніяхъ монетъ довольно трудно различать мелкія подробности, но за то византійскія рукописи пополняютъ этотъ недостатокъ. Парижская рукопись проповѣдей Григорія Богослова (Bibl. Regiae № 510), написанная для собственной библиотеки императора Василія Македонянина или Словенна, (вступ. на престолъ 24 авг. 867 г., † 1 мар. 886),

¹⁾ См. 1-ую статью Розысканій (Извѣст. т. III, столб. 74).

²⁾ Dusommerard, 2-e serie, pl. 40. Quast. Ravenna.